

Кинозрители хорошо знают и любят эту актрису, помнят трогательные, многоплановые, глубоко народные женские образы, созданные ею в фильмах «Тихий Дон», «Судьба человека», «Назани», «Сорока-воровна», «Любовь земная» и многих других. Значительные роли играет она в спектаклях столичного Театра-студии киноактера. На этой неделе народная артистка РСФСР, лауреат Государственной премии СССР Зинаида Кириенко навестила нашу гостиную.

— Когда я звонил вам в театр, мне сказали: «У нее сейчас занятия вокалом». Это что, для какой то конкретной роли? — Не только. Песня необходима мне, чтобы постичь существо моих персонажей, понять главное в их характерах. Допустим, Ефросинья в картине «Любовь земная» — я прониклась ею через песни. Я думала: что именно могла бы, должна бы петь Ефросинья? Наверно, «Лучинушку». Наверно, «Позарастали стежки-дорожки», «Что ты жадно глядишь на дорогу»... В каждой роли ищу песню-ключ к образу. Пою и на концертах, на встречах со зрителями; надеюсь, что песни помогают аудитории лучше понять и воспринять меня... С детства мои неизменные спутники — русские и украинские напевы, старинные оомансы. Отчим мой, Михаил Игнатьевич, чудесно играл на гитаре, и мы с ним дружно выводили (поет: «Я ж тебе вирная аж до хатынэньки...») Истинный родничок!

— Давайте вспомним те дни, когда юная выпускница средней школы Зина Кириенко приехала в Москву поступать во

ВОСПЕТЬ ЖЕНЩИНУ

ВГИК. Какой она видится вам сегодня? — (Смеется). Никто об этом не знает, но в Москву она приехала раньше, пятнадцати лет от роду, и, хотя мечтала об искусстве, поступила в планово-финансовый техникум. И не была к этому готова: навалилась на нее громадина — столичный город (это после станицы-то Новопавловской), общежитие на одной из пригородных станций, ежедневные поездки в электричке на занятия и обратно. Не выдержала, забрала документы, вернулась домой заканчивать десятилетку... Какой она мне видится? Очень впечатлительной, вдохновленной судьбами ее кумиров — Марецкой, Тарасовой, переполненной чувствами и жаждущей выразить их в высоком творчестве... — Ну, а теперь какая она, народная

артистка Зинаида Михайловна Кириенко? Упорна в достижении цели или способна отступить? Что в себе ей не нравится? Умсет ли она порадоваться успеху другой актрисы? Легко ли с ней общаться или трудно? — Однако на какой самоанализ вы меня подвигаете. Ну да ладно! Знаю, что упорна, способна трудиться до бесконечности — если чувствую моральную под-

держку. Но разбиваюсь о непонимание, безразличие и отступаю. И не нравится в себе то, что в такие минуты теряюсь, не нахожу слов, не могу сразу ответить как надо... Особенно дорого — когда, например, в первомайский вечер зал Театра-студии полон; значит, сотни людей предпочли наш спектакль праздничному застолью; это так лестно! Завидовать не умею, успеху партнерши радуюсь от души. Легко ли со мной? А почему бы не спросить, с кем мне легко? — Знакомы ли вам сожаления о тех работах, которые уже не вернешь и не переменишь? — Нет, не жалею о том, что сыграла, хотя это имело для меня нелегкие последствия: после Натальи в «Тихом Доне» стали приглашать из фильма в фильм на

роли покинутых, страдающих женщин. А ведь во ВГИКе я играла в гоголевской «Женитьбе» Агафью Тихоновну, придурковатую, пришепетывающую, по общему мнению — страшно смешную... Нет, не жалею! Все эти роли выстраданы в душе, пережиты, вошли в мою плоть и кровь. Хочу, чтобы зритель верил этим женщинам, щедрым и сильным натурам, гордым, не желающим приспособиться к обстоятельствам, чистым сердцами. Стремлюсь доказать: не они недостойны лучшего, а их не всегда достойны те, кто рядом. Может быть, ошибаюсь, но вижу в ролях Натальи, Ирины, Ефросиньи, Марьяны из «Казачков», Катерины в «Грозе» Островского и Насти в «Бабьем бунте» (которых играю в театре) некую линию, направленную на одно главное — воспеть женщину, ее право, ее душевное богатство... Актрис часто спрашивают: кого вы мечтаете сыграть? В студенческие годы я знала — Анну Каренину. А теперь нет, теперь мечтаю сыграть в кино Настю из «Бабьего бунта» — крепкую, уверенную, легкую... С музыкой, с пением, со всеми атрибутами жанра.

— Допустим, сегодня нет репетиций, спектакля, съемок, концерта. Вы дома. Чем займетесь? — Почитаю лихой детектив. Поперебираю ноты, поищу мелодию, которая что-то добавит в мою «линию»... Послушаю музыку; она поднимет мне настроение (а если, наоборот, доконает, то пойду в цирк). Приготовлю что нибудь вкус-

ное. Готовлю я как всякая актриса, но если постараться — получится.

— А какая музыка приводит вас в творческое состояние? И вообще, что может повлиять на ваше настроение? — Отвечу банально: добрая музыка. Но, опять же, как и где исполненная. Убеждена, что, скажем, органную музыку по радио не воспринимаешь. Вот как-то была я в городе Арнштадте, где в свое время играл на органе для прихожан сам Бах,— там, под этими старинными сводами, органная музыка Баха поистине всемогуща. Или, к примеру, в Бостоне я была на концерте Филадельфийского симфонического оркестра: это совсем, совершенно не то, что слушать граммофонную запись... (Усмехнувшись). Говорю вовсе не для того, чтобы похвалиться: и там была, и тут была. Ну, а повлиять на настроение... Приходишь в свой театр, вахтер приветливо улыбнулся, гардеробщик отпустил шустрый комплимент — вот и подняли настроение.

— У вас два сына, Тимур и Максим. Вы — строгая мама? — Кажется, недостаточно строгая.

— Зинаида Михайловна, о чем еще вам надо было спросить, а я не спросил? — О, вы меня о многом не спросили! О том, в чем счастье актрисы. Как должна она искать «свои» роли. Или — как быть с сыновьями, когда они становятся взрослыми... Я сама хотела бы получить ответы на эти вопросы.

В гостиной дежурил Эдуард ЦЕРКОВЕР.

Июль, 1982, 21 июня